

Алексей Будищев

Молодой друг

Алексей Николаевич Будищев

Молодой друг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18469842

Аннотация

«Ситниковы пили утренний чай на балконе. Балкон выходил в сад, сбегавший под изволок к небольшому продолговатому озеру. А за озером зеленела узкая полоска заливных лугов, перерезанная мелководной речонкой. Накануне упал дождик и в саду было прохладно и весело; веяло свежестью. Розовые цветы шиповника распространяли приятный запах, достигавший балкона и заливавший даже соседние с ним комнаты. Рядом с балконом на березе пела иволга, а дальше, поближе к озеру, куковала в ветлах кукушка. Она куковала медленно, с расстановкой, как бы ведя про себя счет и, отсчитав пяток, делала паузу...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алексей Будищев

Молодой друг

I

Ситниковы пили утренний чай на балконе. Балкон выходил в сад, сбегавший под изволок к небольшому продолговатому озеру. А за озером зеленела узкая полоска заливных лугов, перерезанная мелководной речонкой. Накануне упал дождик и в саду было прохладно и весело; веяло свежестью. Розовые цветы шиповника распространяли приятный запах, достигавший балкона и заливавший даже соседние с ним комнаты. Рядом с балконом на березе пела иволга, а дальше, поближе к озеру, куковала в ветлах кукушка. Она куковала медленно, с расстановкой, как бы ведя про себя счет и, отсчитав пяток, делала паузу.

Степан Иваныч Ситников, сорокапятилетний мужчина, крупный, толстоносый и белокурый, прихлебывал чай из своего стакана и говорил, поглядывая попеременно то на жену, то на студента Балдина. Перед чаем он ел яйца всмятку и его рыжеватые усы были испачканы яичным желтком. Он говорил:

– Итак, мой молодой друг, в природе собственно нет смерти или полного уничтожения существующего, а есть только

видоизменения материи. Происходит нечто подобное горению. Вы видели в прошлом году на лекция химии, что сгоревшая под колпаком свеча, совершенно исчезнув для глаза, приобретает в весе. Нечто подобное происходит и с нами после смерти. Конечно, для нас в этом мало успокоительно-го, но все же мы можем утешать себя мыслью, что хотя человек и смертен, человечество все-таки бессмертно. А человек есть только неизмеримо малая часть человечества. И подобно тому, как человек есть ничто иное как колония простейших клеточек, так и люди, несовершенные и смертные каждый в отдельности, составляют в общем прекрасное и вечное целое – человечество, ради которого они, сознательно или бессознательно, трудятся, размножаются, совершенствуются и умирают.

Ситников замолчал, поймал концы испачканных яичным желтком усов и, задумчиво пососав их, снова выпустил. Надежда Алексеевна смотрела на его усы и думала: «Фи, какой он неряха, яиц опрятно поест не может»!

Она внезапно рассердилась на мужа и заметила в слух:
– Степа, оботри усы.

Ситников машинально взял со стола салфетку, но снова бросил ее и продолжал, внимательно разглядывая Балдина близорукими глазами.

– Да, молодой друг, что касается лично меня, я не боюсь смерти. Я провожу жизнь в труде и научился почерпать в нем разумные наслаждения. Я знаю, что каковы бы ни были мои

приобретения, увеличу ли я доходность своего земельного участка, улучшив скот и пашни, открою ли несколько научных истин – все это человечество примет с благодарностью, рассортирует, когда придет этому время, и приобщит к делу.

Ситников замолчал, отставил свой стакан и машинально стал сбрасывать со скатерти хлебные крошки.

– Степа, оботри усы, – повторила Надежда Алексеевна.

Она сидела у самовара, поставив локти на стол, и, подперев ладонями голову, смотрела на Балдина. Это был красивый и тонкий юноша, лет двадцати, с хорошими карими глазами и курчавыми волосами. Его верхняя губа, покрытая мягким пушком, тоже была испачкана яичным желтком, но Надежде Алексеевне это нисколько не казалось неопрятным. Балдину, как будто, это даже шло. По крайней мере, так находила Надежда Алексеевна. Она сравнивала его лицо с лицом мужа и думала про Ситникова: «Большеротый и тонкогубый, как лягушка!»

– Степа, оботри усы, – заметила она с раздражением. Ситников вытер губы, медленно встал из-за стола и сказал Балдину:

– Сегодня, мой молодой друг, вы свободны на целый день, я не буду диктовать вам своей «Зоологии». Поработаю один, так как приступаю к наисущественнейшим главам.

Ситников тяжелою походкою направился к балконной двери, но на пороге обернулся и спросил Балдина:

– А что вы теперь читаете?

– Клауса «Protozoa».

– И что же, нравится?

– Очень.

– Отлично, отлично!

Ситников исчез в дверях.

– А мы с вами давайте отправимся на остров, – сказала Балдину Надежда Алексеевна.

– Не знаю, мне бы хотелось почитать.

– Что почитать?

– «Protozoa».

– Полноте, успеете. Не берите примера с моего муженька. Почитайте лучше меня.

Надежда Алексеевна улыбнулась; на ее щеках появились две ямочки. Балдин сконфузился.

– Пожалуй, поедемте, – проговорил он, опуская глаза. Ехать ему не хотелось, но он совестился отказать жене своего патрона.

– Даша, убирай со стола! – крикнула Надежда Алексеевна и добавила, обращаясь к Балдину:

– Я вас буду любить, если вы сделаетесь послушным. Я люблю послушных.

Она бросила на стул посудное полотенце и, снова улыбувшись, сказала Балдину:

– Подождите меня в саду, я сейчас приду, только захвачу зонт и полотенце.

Она зашелестела юбками и исчезла. Балдин спустился

с балкона в сад и задумчиво пошел дорожкой. Тут он услышал в ветлах кукушку и проговорил мысленно: «Кукушка, кукушка, через сколько лет я буду знаменитостью?» Он стал считать, насчитал пятнадцать, но, рассердившись, бросил и подумал: «Ну, уж это дудки!» Он сорвал липовый листок и стал его жевать. Внезапно он вспомнил в то же время о Надеждк Алексеевне и подумал с досадою: «Зачем это ей полотенце-то понадобилось?»

– Ну, уж это дудки! – обратился он к кукушке, все еще куковавшей: – Ну, уж это дудки! Если постараться, так можно через десять лет быть профессором.

II

Балдин оглянулся. К нему шла Надежда Алексеевна; она была в белом капоте, под красным зонтом и в красных сафьяновых туфельках. Через ее шею было перекинута мохнатое полотенце.

– Ну, вот и я! – сказала она, улыбаясь и сверкая ровными зубами: – Идемте к лодке и едем на остров.

Балдин, молча, последовал за нею.

Они спустились под горку и луговиною направились к речке.

– О чем вы думаете? – спросила студента Надежда Алексеевна.

Балдин помолчал и ответил:

– Я думаю – какими средствами природа сгущает кислород в озон.

Надежда Алексеевна расхохоталась.

– И охота вам думать о таких глупостях! Человек вы молодой, а стараетесь подражать Степану Иванычу. Право, это совсем не умно! Вы молоды, идете гулять с хорошенькой женщиной, – ведь я очень хорошенькая, – и думаете Бог знает о каких глупостях. Нет, вас серьезно надо взять в руки, иначе вы совсем испортитесь.

Балдин покраснел. Надежда Алексеевна продолжала:

– Ну, чего вы краснеете? Скажите лучше откровенно,

неужто вы никогда не думаете обо мне? Так-таки никогда, а? Никогда? Ну, будьте пайнкой, скажите, что же вы молчите, точно в рот воды набрали?

Она затормошила студента за рукав. Балдин, потупившись, шел рядом с нею и молчал.

– Фу, какой вы упрямый! – вздохнула Надежда Алексеевна и тоже притихла.

Они уже подошли к берегу речки. Маленькая, выкрашенная в зеленый цвет лодка покачивалась у берега, привязанная к ветке ветлы. Речка распадалась здесь на два рукава и образовала по середине маленький зеленый островок, лежавший на светлой поверхности речонки, как большой лист лопуха. Надежда Алексеевна, подобрав капот, сошла в лодку и, поместившись на корме, скомандовала Балдину:

– Ну, Кислород Кислородыч, садитесь в весла. Балдин увидел ее черные чулки и покраснел. Через минуту они уже были на острове. Опущенный густыми порослями лозняка, он только издали походил на зеленый лопух. На самом же деле он представлял собою луговину, сплошь усеянную желтыми и лиловыми цветами, и вблизи походил на цветочную корзину. Посреди этой цветочной корзины возвышался густой и развесистый вяз. Одна из его веток, очень толстая, но совершенно сухая, выдвигалась далеко в сторону, точно вяз пытался уцепиться ею за противоположный берег, чтобы перетащить свое громоздкое тело туда. Может быть, ему казалось здесь тесно, а может быть ему надоедало монотонное

гудение пчел, с утра до ночи толкавшихся над желтыми и лиловыми цветами.

Надежда Алексеевна привела своего спутника к этому вязу и, опустившись под его тенью, пригласила и студента.

– Садитесь и вы, Озон Озоныч!

Балдин беспрекословно последовал ее примеру.

Между тем, Надежда Алексеевна говорила:

– Боже, как здесь хорошо! А это монотонное гудение пчел, вы не боитесь, что оно загипнотизирует нас обоих и погрузит в любовные грезы? Ведь эти пчелы точно изнемогают от любви!

– Они не могут изнемогать от любви, – возразил Балдин: – это рабочие пчелы, они не знают любви и поэтому их соты так гениальны. Любовь не мешает их работе. Если бы люди никогда не любили, они сделались бы...

– Деревяшками, я это знаю, – перебила студента Надежда Алексеевна.

Балдин покраснел.

– Я вовсе не то хотел сказать, – проговорил он, но Надежда Алексеевна снова перебила его:

– Ну, если не гудение пчел, то цветочная пыль, которою мы дышим; ведь цветочная пыль – это, кажется, любовь цветов?

– Если хотите, это, пожалуй, их любовь, – отвечал Балдин: – но любовь исключительно мужская и, следовательно, может действовать только на женщину.

Надежда Алексеевна улыбнулась.

– То есть, вы хотите сказать, что совершенно застрахованы от всяких опасностей? Не завидую вам в таком случае!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.